

Lene T y b j æ r g S c h a s k e

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ И ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЕ ЖИЗНЕННЫЕ
ЦЕННОСТИ В РОМАНЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА "РАКОВЫЙ КОРПУС"

"Мы-то, мы-то ведь никогда не умрем!
Это и есть вершина философии XX века."
А. Солженицын¹

Вскоре после своего появления в раковом отделении парработник Павел Николаевич Русанов отмечает интересную деталь: его сосед по палате, главный герой романа Олег Костоглотов, подсовывает своему соседу - далеко не интеллектуалу - Ефрему Поддуеву какую-то редкую книгу в синем переплете с золотым тиснением. Провоцируемый подтруниванием Костоглотова, Ефрем берет книгу и небрежно кидает ее на свою кровать. К его собственному удивлению уже в тот же вечер короткие рассказы книги захватывают его.²

Ефрем Поддуев, чей агрессивный страх перед смертью был бичом всей палаты, лежит теперь умиротворенный, погруженный в задумчивое чтение, и вновь обращает на себя внимание палаты, когда вдруг ставит вопрос "Чем люди живы?" (название одного из рассказов книги). Возбужденные возможностью поспорить, не замечая важности вопроса в их собственном положении, больные рьяно высказывают свое мнение - от здравого "зарплатой" до наивно-спекулятивного "Раньше всего воздухом. Потом - водой. Потом - едой". Однако ни одно из этих чисто материалистических предложений не удовлетворяет Ефрема, на которого заметно повлияла идея рассказа. Не скрывая своего раздражения, он, однако, вынужден признать, что ответ Русанова "идейностью и общественными интересами" подозрительно близок к "не заботой о себе, а любовью к другим" в рассказе.

Эта сцена приводит к тому, что прочитанное Ефремом "раз-
облачается" как книга нравственных рассказов Льва Тол-
стого. Зато вопрос "Чем люди живы?" повисает в воздухе.³

I. Тема смысла и ценностей жизни продолжает звучать
на протяжении всего романа. Она варьируется, углубля-
ется, истолковывается, но фактически основной мотив -
оппозиция материалистических и идеалистических ценностей
и намек на толстовское представление о первенстве духов-
ного⁴ - содержится уже в этой почти гротескной дискуссии
в больничной палате. Едва ли случайно то, что ее начи-
нает Костоготов, в романе искатель истины par excellence.

В этой сцене проявляется также простой и обнаженный
художественный метод Солженицына. Как и в других романах,
помещает он в "Раковом корпусе" своих героев - представи-
телей всех слоев общества, являющихся прежде всего носи-
телями идей и типического для них мировоззрения - в изоли-
рованную, искусственную среду, чтобы в этой ситуации на
однородном фоне (раковое отделение, конфронтация со смертью)
четче показать столкновение их различных жизненных позиций.⁵
В ряде случаев это различие подчеркивается еще и тем, что
действующие лица ставятся перед одинаковым выбором, или
вопросом (чем люди живы?).⁶ Различные позиции развиваются
как эксплицитно - как мы уже видели - в конкретной дискус-
сии, так и имплицитно, в более абстрактном плане, где дей-
ствия и решения персонажей входят как "аргументы" в абс-
трактную дискуссию романа о жизненных принципах, как эле-
менты в его этико-философской игре. Анализ этой абстрактной
дискуссии является естественной точкой зрения, с которой
следует рассматривать произведение.

Статья является попыткой - путем исследования экспли-
цитных и имплицитных ответов избранных персонажей "Рако-
вого корпуса" на основной вопрос "Чем люди живы?" - опре-
делить те ценности и принципы, которые входят в абстрактную
идейную дискуссию, и расположить их в соотношении друг к
другу, чтобы таким образом найти систему ценностей произве-

дения, его "философское кредо".⁷ Общей проблемой в этой связи является вопрос об авторской позиции и об установлении ценностей в литературном произведении. Однако в традиционном (технически!) творчестве Солженицына эта проблема кажется не такой уж сложной, так как – вопреки утверждениям о полифонии⁸ – редко возникают трудности в установлении авторской позиции.⁹ Для определения этих постулируемых ценностей в дальнейшем будет использован чисто практический прием, отражающий прием, примененный в романе: во-первых, "конфронтация со смертью" (верный критерий, носящий скорее всего характер испытания); во-вторых, суждения главного героя Костоглотова. Этот последний критерий менее постоянный и тем самым более проблематичный, поскольку взгляды Костоглотова не всегда идентичны с авторской позицией, но все же могут с осторожностью применяться с учетом двойной функции Костоглотова – и как рупора автора, и как вымышленного лица с собственным "я". К этому присоединяется также усиливающееся само по себе воздействие, которое, естественно, проявляется, как только какая-либо ценность уже установлена. Она безошибочно узнается в дальнейшем на протяжении всего произведения.

Настоящее исследование является далеко не исчерпывающим. Оно охватывает только избранные персонажи из галереи действующих лиц. Но читатель, раз обративший внимание на проблему, узнает ее и у других персонажей, прежде всего, быть может, в отношениях Демки и Аси.¹⁰ Более спорно, повидимому, не рассматривать подробно любовный треугольник Костоглов-Вера-Зоя. Отказ Костоглотова как от физической, так и от духовной любви несомненно указывает на оппозицию материализма и идеализма, но не способствует ее выяснению.

Как уже говорилось, ответы разделяются на две группы, которые можно с осторожностью назвать "материалистической" и "идеалистической". Осторожность в данном случае вызвана довольно широким применением обозначений: под "материализ-

мом" подразумевается, таким образом, всякий приоритет матери и материального как в обыденной жизни, так и в философии, в то время как "идеализм" соответственно содержит в себе представление о первичности нематериальных, духовных ценностей, начиная с обыденных мелочей до веры философского идеализма в абсолютные ценности, в человека, сотворенного в качестве идеального образа, как частицы всемирного духа. Это отчетливое разделение лежит в основе расположения статьи.

II. Наиболее ярким поборником материалистических жизненных ценностей является без сомнения профессиональный доносчик, партийный деятель Павел Николаевич Русанов. Правда, на прямо поставленный вопрос "Чем люди живы?" он дает - как мы уже видели - стандартный марксистский ответ, который - как это ни парадоксально - на вид очень близок к толстовскому; но в тот же миг он впивается зубами в сочную куриную ножку, демонстрируя тем самым свое полное пренебрежение как к толстовству, так и к диалектическому материализму.

Лицемерие вообще является господствующей чертой этого типичного представителя "нового класса", излюбленного объекта солженицынского негодования. Несмотря на теоретическое признание марксизма-ленинизма, что автоматически следует из занимаемого Русановым высокого положения в партии, несмотря на усердную защиту партийных догм, его собственные жизненные ценности являются карикатурой на диалектический и исторический материализм. Материализм, которому поклоняется Русанов и его семейка, есть не что иное, как мещанский материализм благополучия: удобства, привилегии и, конечно, власть любой ценой. Смешение этих двух форм материализма Солженицын изображает со злой иронией.

У Павла Николаевича была ясная память, он хорошо помнил о каждом шкафе и диване - где, когда, почему куплен и каковы его достоинства. Тем более подробно

рассказывал он соседу о своей ванной комнате, какая плитка на полу уложена и какая по стенам, и о керамических плитусах, о площадочке для мыла, о закруглении под голову, о горячем кране, о переключении на душ, о приспособлении для полотенец. Все это были не такие уж мелочи, это составляло быт, бытие, а бытие определяет сознание, и надо, чтобы быт был приятный, хороший, тогда и сознание будет правильное. Как сказал Горький, в здоровом теле, здоровый дух. (гл. 27, стр. 317)

Русановские ценности выделяются еще более рельефно в вульгарной философии "зачем жить плохо" спекулянта Чалого, идентичной с философией этого важного деятеля, но лишенной его защитного лицемерия.¹¹ Теперь можно решать, следует ли понимать материализм благополучия как неизбежное, вероятное или лишь возможное следствие философского материализма.

Наиболее резко и отрицательно проявляются русановские ценности в его столкновениях с Костоготовым, хотя эти несколько примитивные конфликты служат, может быть, более противопоставлению ценностей, чем их анализу. Главным пунктом в борьбе этих двух антагонистов являются фальшивые материалистические ценности, легализованные лицемерной идеологией, которые конфронтуются с "настоящими", явно антиматериалистическими - этическими - ценностями. Так, например, Костоготов нападает на марксизм Русанова не с политико-экономической точки зрения, что было бы невысказано в произведении, рассчитаном на советское издание, а на основе лицемерности его высказываний.¹² Более существенна однако первая крупная конфронтация Русанова и Костоготова, когда они из-за Ефрема сталкиваются в вопросе о совести и значении личной этики в целом.

- Да при чем тут?! - вышел из себя Павел Николаевич.
- Да это же махровая поповщина - так думать! Начитались вы всякой слякоти, товарищ Поддуб, и разоружились идеологически! И будете нам тут про всякое мо-

ральное усовершенствование талдыкать.

- А что вы так прицепились к нравственному усовершенствованию? - огрызнулся Костоглотов. - Почему нравственное усовершенствование вызывает у вас такую ярость? Кого оно может обижать? Только нравственных уродов!
(гл. 11, стр. 23)

В этом принципиальном противопоставлении, где толстовское понятие "моральное усовершенствование" - центральное понятие в философских дебатах в России начала столетия, в частности в антологии "Вехи",¹³ - сопоставляется с установленными Лениным, Сталиным и Горьким "раз навсегда" точками зрения (стр. 124), ясно видно противоречие между философским идеализмом и материализмом. Это противоречие конкретизируется, когда Костоглотов в выпаде, типичном для идеалистической критики материализма,¹⁴ направляет удар на поверхностную теорию счастья, решающим недостатком которой является неспособность включить смерть индивида в жизнь масс.

- Почему мешать человеку задуматься? В конце концов, к чему сводится наша философия жизни? - "Ах, как хороша жизнь!.. Люблю тебя, жизнь! Жизнь дана для счастья!" Что за глубина! Но это может и без нас сказать любое животное - курица, кошка, собака.

- Я прошу вас! Я прошу вас! - уже не по гражданской обязанности, уже не как субъект истории, а как объект, предостерег Павел Николаевич. - Не будем говорить о смерти! Не будем даже о ней вспоминать!

- И просить меня нечего! - отмахивался Костоглотов рукой-лопатой. - Если здесь о смерти не поговорить, где ж о ней поговорить? "Ах, мы будем жить вечно!".

- Так что? Что? - взывал Павел Николаевич. - Что вы предлагаете? Говорить и думать все время о смерти? Чтоб эта калиева соль брала верх?

- Не все время, - немного стих Костоглотов, поняв, что попадает в противоречие. - Не все время, но хотя бы иногда. Это полезно. А то ведь, что мы всю жизнь

твердили человеку. - Ты - член коллектива! Ты член коллектива! Верно. Но это - пока он жив. А когда придет час умирать - мы отпустим его из коллектива. Член-то он член, а умирать ему одному. А опухоль сядет на него одного, не на весь коллектив. Вот вы! Вы, вы! - грубо совал он палец в сторону Русанова. - Ну, ка, скажите, чего вы сейчас больше всего боитесь на свете? Умирать!! А о чем больше всего боитесь говорить? О смерти! Как это называется. Лицемерие! (гл. 11, стр. 125)

Таким образом Русанов становится символом заклеянного Костоготовым материалистического мировоззрения. Уже из первых глав романа ясно, что жизненные ценности Русанова не дают ему встретить смерть с достоинством. Вырванный из привычной для него среды и лишенный авторитета, данного ему благодаря занимаемому положению в обществе, он вскоре превращается в "семь десятков килограммов белого тела".¹⁵ Только один пример бессилия Русанова перед смертью "не по правилам":

Белая равнодушная смерть в виде простыни, обволакивающей никакую фигуру, пустоту, подходила к нему осторожно, не шумя, в шлепанцах, - а Русанов, застигнутый этой подкрадкой смерти, не только бороться с нею не мог, а вообще ничего о ней не мог ни подумать, ни решить, ни высказать.

Она пришла незаконно, и не было правила, не было инструкции, которая защищала бы Павла Николаевича. (гл. 19, стр. 223)

В столкновении со смертью жизненные ценности Русанова терпят окончательное поражение.

Более честная и "чистая" форма материализма представлена в романе молодым геологом Вадимом Зацырко. Он - как и Русанов - член партии и сталинист,¹⁶ но его убеждения искренни, не рассчитаны на собственную выгоду; к тому же

он изображен с симпатией, хотя и не без иронии.¹⁷ Но прежде всего он – символ ученого-материалиста и современного задержанного человека, жизненными ценностями которого являются горячая активность и научный, но бездумный порыв творчества.¹⁸

На вопрос "Чем люди живы?", который Ефрем с раздражением ставит перед ним в момент его энергичного вселения в палату, Вадим охотно и без колебаний отвечает: "Творчеством" – и прямо отвергает ценности в нравственных рассказах Толстого, как слабые и устаревшие.¹⁹ Он живет исключительно своей наукой и для нее: "А кроме науки – что вообще?" (стр. 175). Приговоренный к смерти из-за раковой опухоли на ноге, он принимается рационально за дело, анализирует свое положение и ищет формулу сосуществования со смертью.²⁰ Его формула кажется очень простой: последние месяцы жизни он посвятит выдающемуся научному открытию на благо человечества.²¹ Вооруженный этим рационально-утилитарным намерением и кипой научной литературы, он располагается в больничной палате.

Со временем, по мере усиления болей и приближения смерти, его формула оказывается пустой иллюзией. Этот рациональный ученый испытывает просто-напросто сильный и безрассудный страх перед смертью. В отчаянии изменяет он один за другим своим принципам – или они ему – и мы наблюдаем почти схематически осуществленную переоценку ценностей от его первоначальной позиции до взглядов после месячного пребывания в раковом отделении.²² Например, сначала он считает, что "...таланту легче понять и принять смерть, чем бездарности" (стр. 217), тогда как позже приходит к мысли, что "...умирать с ним (талантом, Л. Т. Ш.) гораздо трагичней, чем простому обычному человеку..." (стр. 320). Более важно однако то, что и главные жизненные ценности Вадима начинают рушиться. Исчезает желание читать и работать, вера в проект и даже в саму науку ослабевает;²³ все теряет свою ценность – за исключением жизни:

И он замирал над книгой, со стороны будто читал,

а сам не читал. Нога была в капкане - и вся жизнь вместе с ногой. (стр. 320)

Как ранее предсказывал Ефрем, геология и тем самым наука в понимании Вадима оказывают малую помощь перед смертью. (стр. 177)

Причина этого раскрыта довольно ясно. Сразу же после крушения жизненных ценностей Вадима человек, являющийся неразрешимой загадкой для всей палаты, обычно немногословный Шулубин задает ему вопрос о цели его чтения: "...вам это все нужно? Именно это?" (стр. 320), и Вадим дает свой стандартный ответ, но уже без прежнего пыла: "Это - интересно. Я ничего на свете интереснее не знаю." Этот аргумент абсолютно неприемлем для Шулубина, и в дальнейшей дискуссии выкристаллизовываются два диаметрально противоположных представления о науке. Шулубин утверждает, что наука должна быть выше обыкновенных "эгоистических и совершенно безнравственных занятий" как зарабатывать деньги и делать свою жизнь более удобной, что она должна основываться на нравственных ценностях: "С такой установкой вы никогда не создадите ничего нравственного." Под нравственными ценностями Шулубин подразумевает ценности, "направленные на взаимное высветление человеческих душ." Вадим же, напротив, утверждает, что "наука и не должна создавать нравственных ценностей... Наука создает ценности материальные..." (стр. 321). Другими словами, речь идет о взгляде на науку, который можно с осторожностью назвать идеалистическим по сравнению с чисто материалистическим. Если считать, что позиция Шулубина в этом случае совпадает с авторской, то это указывает на ошибочность жизненных ценностей Вадима не столько потому, что они основываются на науке как таковой, но потому, что эти ценности основаны на ложном понимании роли науки. Даже тогда, когда материалистическое мировоззрение ставит перед собой самые благородные цели и воплощается в образе симпатичного персонажа, то в "Раковом корпусе" это мировоззрение неизбежно оказывается не на высоте в отношении к смерти и тем самым - к жизни.

Жизненные ценности, которые защищает немолодой уже врач Людмила Афанасьевна Донцова, во многом очень близки к жизненным взглядам Вадима. Ничего точно неизвестно о ее политических и философских взглядах; в конце концов она, как и Вадим, опирается на материалистическое понимание жизни и науки, практические результаты которого в силу ее врачебной деятельности носят, однако, более гуманный и экстравертный характер. Общим для них является и лихорадочная погоня за временем, не оставляющая времени для размышлений, но и тут активность Донцовой носит менее теоретический характер, а обосновывается более требованиями будней.

Главный вопрос романа никогда не ставится прямо перед Донцовой, но ответ на него содержится уже в избранной ею профессии. Для нее – современного врача-рентгенолога – главная задача состоит в сохранении человеческой жизни любой ценой, задача, которой она полностью подчинена – ("...всякий ущерб оправдан, если спасается жизнь...", стр. 83). Таким образом, физическая жизнь становится наивысшей жизненной ценностью: человек живет "жизнью".

Эта позиция серьезно оспаривается в бурном столкновении между Донцовой и Костогловым.²⁴ Исходя из собственной болезни, он начинает дискуссию с широкой религиозной и философской перспективами, где позиция Донцовой проявляется прежде всего в направленной против нее критике. Костоглов отстаивает иррациональный взгляд на человека в противоположность рационалистичному взгляду Донцовой ("...человек же – очень сложное существо, почему он должен быть объяснен логикой? Или там – экономикой? Или физиологией?", стр. 75); он отвергает жизнь "любой ценой" и тем самым утверждает не физические ценности жизни ("А я не хочу – любой ценой (спасаться, Л. Т. Ш.)!! Такого и на свете нет ничего, за что б я согласился платить л ю б у ю цену!", стр. 75); он провозглашает противоестественным вмешательство человека в ход жизни – тема, которая дальше углубляется дискуссией в романе о природной медицине.²⁵ Наконец,

он оспаривает почти библейской формулировкой неограниченное право врачей лечить и, таким образом, право человека распоряжаться чужой жизнью:

... Почему вообще вы берете себе право решать за другого человека? Ведь это - страшное право, оно редко ведет к добру. Бойтесь его! Оно не дано врачу!

- Оно именно дано врачу! В первую очередь ему!... (стр. 76)

Противопоставление неосознанно идеалистической и религиозно окрашенной позиции Костоглотова и рационалистичной и материалистической позиции Донцовой в вопросе о жизненных ценностях очевидно. Временно "побеждают" взгляды Донцовой - Костоглотов соглашается продолжить лечение - но множество фактов, в том числе появляющиеся у Донцовой в следующей главе ("Право лечить") сомнения, указывают на мнимость победы.

Жизненные ценности Донцовой подвергаются решающей проверке, когда ее саму, как символ некой высшей справедливости, настигает неизлечимое раковое заболевание; и этой проверки они не выдерживают.²⁶ В конфронтации с собственной смертью личность Донцовой рушится как физически, так и морально. Она, до сих пор обращавшаяся с жизнью людей - рационально и логически - как с безымянной физиологической единицей,²⁷ оказывается не в состоянии сохранить душевное равновесие, когда это касается ее собственной жизни ("...опрокидывался весь мир, опрокидывался весь порядок мировых вещей...", стр. 374). В безрассудном страхе перед смертью она даже не хочет знать правду о своей болезни²⁸ и, что замечательно, полностью перекладывает ответственность на своего старого учителя, доктора Орещенкова, который - как мы еще увидим - придерживается абсолютно других жизненных принципов, чем его ученица. С тяжелой Солженицынской последовательностью именно Орещенков выносит приговор не только жизни Донцовой, но и ее жизненным ценностям, т.е. ценностям современного человека:

Ее внезапная обмяклость еще и еще раз подтвердила мнение Орещенкова, что современный человек беспомощен перед ликом смерти, что ничем не вооружен встретить ее. (гл. 32, стр. 376)

Причина же беспомощности современного человека ясна: его ценности связаны исключительно с земной жизнью, они в широком понимании материалистичны и поэтому недолговечны ("Такие привязанные к земле - мы совсем на ней не держимся!...", 377). Лишенный этих ценностей человек, как в данном случае Донцова, превращается просто в "беззащитный мешок, набитый органами..." (374).

После крушения ценностей Донцовой меняется и ее поведение: на последнем обходе она более человечна в отношении к пациентам, она сознает ограниченность своей роли ("...она уже не смеет судить жизнь и смерть других...", 378). И как следствие этого, в последней конфронтации с Костоготовым она соглашается отпустить его домой. Таким образом, именно костоготовские ценности становятся в конечном счете наиболее весомыми в романе.

Хотя поведение Донцовой и меняется, но здесь еще не выдвигается альтернатива. Главным остается сам факт крушения материалистических ценностей. И только с образом Ефрема Поддубова акцент перемещается с собственно крушения к вопросу об альтернативных ценностях. Силач Ефрем Поддубов - мужчина в расцвете лет, бывший грузчик, охранник заключенных и т.д. - до своего заболевания интересовался прежде всего ощутимыми благами жизни, особенно водкой и женщинами, в связи с чем и предпосылки для достижения их - работа и деньги - занимали первое место среди его жизненных ценностей:

...ему...всегда было ясно, что от человека требуется. От человека требуется или хорошая специальность, или хорошая хватка в жизни. От того и другого идут деньги. И когда люди знакомятся, то за как зовут сразу идет: кем работаешь, сколько получаешь. (гл. 8, стр. 92)

Однако здесь речь идет не о русановском мещанском материализме, а скорее о каком-то аморальном анархизме, сосредоточенном на удовлетворении элементарных физических потребностей ("Нигде его не держало ни имущество, ни квартира, ни семья - только любил он вольную жизнь да деньги в кармане", 91). Ефрем, изображенный как народный тип, снабженный многими положительными чертами ("здрав умом", "природный ум", 90), отличающимися так называемые народные образы в творчестве Солженицына, занимает особое положение среди преобладающих в романе интеллектуальных персонажей. В отличие от последних его жизненные ценности не имеют под собой теоретической базы.

Но даже при наличии смягчающих народных черт, материалистическое мировоззрение не выдерживает конфронтации отдельного человека со смертью (92). Ценности Ефрема безнадежно рушатся ("...разнравилась ему и работа, и гулянки, и питье, и курье", 91), что еще раз подтверждает тезис доктора Орещенкова ("...Поддудев был подготовлен к жизни, а не к умиранию... он не знал путей этого перехода", 91). И тут появляются нравственные рассказы Толстого, пробуждают Ефрема из его этического оупения и заставляют подумать о смысле жизни. С этого момента его поиски новых - духовных - ценностей движутся медленно, но верно, через дискуссию "чем люди живы" и дискуссию о "самопроизвольном исцелении"²⁹ (где он знаменательно приводит "совесть" как решающий моральный фактор, 122), чтобы, наконец, кульминировать в смиренном приятии смерти и - с некоторой оговоркой - осторожном признании им вечной жизни души:

Вот эта книжечка синяя с золотым росчерком, четвертую ночь ночевавшая у Ефрема под матрацем, напечатала что-то про индусов, как они верят, что умираем мы не целиком, а душа наша переселяется в животных или других людей. Такой проект нравился сейчас Поддудеву: хоть что-нибудь свое бы вынести, не дать ему накрыться. Хоть что-нибудь свое пронести бы через смерть.

Только не верил он в это переселение душ, ни на поросячий нос.

Стреляло ему от шеи в голову, стреляло не переставая, да как-то ровно стало бить, на четыре удара. И четыре удара втолакивали ему: Умер. - Ефрем. - Поддуев. - Точка. Умер. - Ефрем. - Поддуев. - Точка.

И так без конца. И сам про себя он стал эти слова повторять. И чем больше повторял, тем как будто сам отделялся от Ефрема Поддуева, обреченного умереть. И привыкал к его смерти, как к смерти соседа. А то, что в нем размышляло о смерти Ефрема Поддуева, соседа, - вот это, вроде, умереть бы было не должно. (гл. 15, стр. 180-181)

Сразу же после этого Ефрема выписывают из больницы. Тело умирает на вокзале, о душе - молчание.

Таким образом, в романе объявляются недействительными первоначальные ценности Ефрема и утверждаются новые, Толстым указанные нравственные и духовные ценности: любовь к ближнему (181), совесть (122), "моральное усовершенствование" (123). Процесс установления ценностей происходит отчасти путем того, что Ефрем через альтернативные ценности в какой-то мере примиряется с мыслью о смерти, отчасти путем постоянных столкновений этих ценностей с взглядами Русанова и их созвучия с Костоготовскими. Примечательно и типично для творчества Солженицына то, что именно Ефрем - а не его более интеллектуальные товарищи - в состоянии перебросить мостик к нематериалистическим ценностям.

III. Образ Ефрема подводит нас к идеалистическим, или во всяком случае к нематериалистическим ценностям. Его интенсивные моральные поиски позволяют нам догадаться не только о том, что является истинными ценностями, но также о том, кто вероятнее всего владеет ими. Как контраст к своему собственному страху перед смертью, вспоминает Ефрем, в явно

вдохновленном Толстым пассаже,³⁰ своих земляков-стариков и их достойную, спокойную смерть:

Не пьжились они, не отбивались, не хвастали, что не умрут, - все они принимали смерть с п о к о й н о. Не только не оттягивали расчет, а готовились потихоньку и загодя, назначали, кому - кобыла, кому - жеребенок, кому - зипун, кому - сапоги. И отходили облегченно, как-будто просто перебирались в другую избу. И никого из них нельзя было напугать раком. Да и рака-то ни у кого не было. (гл. 8, стр. 93)

Вскоре следует немой, но выразительный ответ на его вопрос "чем люди живы": "Старый Мурсалимов по-русски не понимал, хоть, может, ответил бы лучше всех." (гл. 8, стр. 97) И в других местах тот же очевидный авторский голос намекает, что старые, безмолвные и примитивные люди - представленные в палате второстепенными фигурами нацменов Мурсалимова и Егенбердиева - в силу своей самобытности владеют бесценным интуитивным знанием жизни и ее ценностей (131).

Это соединение старого и естественного с духовными ценностями в широком понимании проявляется еще яснее в изображении пожилой супружеской пары Кадминых. Они оба - бывшие лагерники и соседи Олега Костоглотова в ссылке. Образы подвижного врача-гинеколога Николая Ивановича и его более медлительной жены Елены Александровны, передающиеся исключительно через Костоглотова,³¹ несут отпечаток ностальгической идиллии, ключевыми словами которой могли быть и "опрощение", и "живая жизнь".³² Уже в описании их непосредственного окружения - захолустного, нетронутого Уш-Терека, настойчиво противопоставляемого большому городу с его "сложно заведенным миром, к которому Олег не ощущает умения пристроиться, да пожалуй, и желания тоже" (гл. 20, стр. 226) - возникает особый тон: само название Уш-Терек означает, что место их ссылки расположено в тени трех старых тополей (226); традиции Уш-Терека уходят в прошлое столетие (227), и свет керосиновой лампы превра-

щает скудно обставленную землянку Кадминых в "роскошную гостиную предпрошлого века" (231). Да и сами люди, как и окружающая их среда, далеки от всего советского. Прежде всего для них характерно удовлетворение примитивным и абсурдно несправедливым существованием в ссылке: их радости малы и бесплатны (230-231). Как в мгновенном восторге подытоживает Костоготов:

...совсем не уровень благополучия делает счастье людей, а отношения сердец и наша точка зрения на нашу жизнь. И то и другое - всегда в нашей власти, а значит, человек всегда счастлив, если он хочет этого, и никто ему не может помешать. (гл. 20, стр. 231-232)

Сюда же относится "душевность" Кадминых (234, 236), их "абстрактная гуманность" (236), которая руководит также их любовью к растениям и животным, вообще ко всему живому. Из этих черт извлекаются далеко идущие выводы: "Любовь к животным мы теперь не ставим в людях ни в грош... Но разлюбив сперва животных - не неизбежно ли мы потом разлюбиваем и людей?" (234). И другие положительные герои Солженицына, как и Кадмины, в избытке снабжены собаками и кошками.³³ Впрочем эта пожилая супружеская пара имеет очевидное сходство с типом Матрены.³⁴

Так как Кадмины - наверно из-за того, что они ограничены восприятием Костоготова - описываются главным образом в их конкретных буднях, текст беден прямыми высказываниями о их мировоззрении. За их явно антиматериалистическими принципами с их старомодными добродетелями - умеренностью, любовью, покорностью в жизни и спокойствием перед смертью (231) - чувствуется, однако, взгляд на жизнь, который можно, вероятно, характеризовать как христианский, хотя и не в церковном значении. В подтверждение этого приведем отрывок, в котором внезапный скачок в мыслях Костоготова от банальной сцены в больнице к письму Кадминых с темой любви к ближнему пере-

дается через его смутную тоску по духовному очищению:

...все эти их споры, переспоры, термины, ожесточение и злые глаза внезапно представились ему чавканьем болотным, ни в какое сравнение не идущим с их болезнью, с их предстоянием перед смертью?

А хотелось бы коснуться чего-нибудь совсем другого. Чистого. Незыблемого.

Но где оно такое есть - не знал Олег.

А сегодня утром получил он письмо от Кадминых. Доктор Николай Иванович отвечал ему, между прочим, откуда это "мягкое слово кость ломит".

(гл. 29, стр. 346)

Многое - впрочем и говорящее само за себя название главы "Воспоминания о Прекрасном" - указывает на то, что жизненные ценности семьи Кадминых направлены больше в сторону идеализма и религиозного взгляда на жизнь, чем Костоглотов понимает вначале.

Подобное соединение "старых", досоветских ценностей и дальнейших духовных перспектив, но с более эксплицитным идеалистическим содержанием и меньшим весом на теме "опрощение", доминирует также в описании 75-летнего доктора Орещенкова, наставника и утешителя Донцовой.³⁵ Как и в случае с Кадмиными, на старомодные жизненные ценности Дормидонта Тихоновича указывает уже ностальгически детальное описание его физического окружения: скромный, но хорошо сохранившийся деревянный домик в тени деревьев, тяжелая мебель, рояль, масса книг и всевозможные резные, начищенные до блеска безделушки. Речь идет в обоих планах об испытанных, прочно сохранившихся ценностях, не поддавшихся ни времени, ни моде.

Более конкретно выступают ценности Орещенкова в противопоставлении с Донцовой. Он высказывается в момент, когда его прежняя ученица, подавленная болезнью и страхом перед смертью, едва в состоянии возражать (гл. 30); но

читатель, помнящий энергичную рационалистичную аргументацию Донцовой в столкновении с Костоготовым, обнаруживает основные очертания двух фундаментально противоположных пониманий человека. Орещенков говорит, казалось бы, лишь о врачах и их проблемах (чем – заметим в скобках – дает возможность Солженицыну коснуться ряда своих излюбленных социально-политических тем). Он, например, предпочитает семейного врача врачу, делающему карьеру, широкий врачебный опыт – узкой специализации, частную практику – "обезличенному" (357) амбулаторному приему. Но прежде всего он подчеркивает – в противоположность Донцовой ("Он всегда знал пределы Людмилы Донцовой...", 358) – человечность, роль врача как психолога и терапевта скорее, чем как техника и узкого специалиста. Человека следует лечить как живое целое, как "комплекс" (358, 359), а не перебрасывать его от специалиста к специалисту, как "баскетбольный мяч" (359). Параллелью к отмеченному преимуществу "старого и естественного" над "новым и техническим" является требование Орещенкова отказаться от превращения человека в объект, в пешку в системе. Он указывает на необходимость восстановления его как индивида, как субъекта и ценность в самом себе – что является типично идеалистической и религиозной позицией в противоположность материализму и социализму. Не удивительно, что такими разговорами Орещенков не в состоянии успокоить Донцову. Зато она обретает настоящее солженицынское спокойствие при встрече с его сен-бернардом, к которому – также по-солженицынски – хозяин относится с человеческим уважением. (360)

Отношение Орещенкова к смерти проявляется также в контрасте с отношением Донцовой. В противоположность современному человеку – представляемому здесь Людмилой Афанасьевой – который последовательно проводит границу между жизнью и смертью,³⁶ Орещенков считает, как мы уже видели, что человек должен быть подготовленным к смерти, включить ее, так сказать, в жизнь. Эта позиция характеризует и его

стремление нормализовать ситуацию Донцовой ("Он-таки тянул, тянул ее из разряда преступно-больных в разряд безнадежно-здоровых!", 354). Что касается его самого, кажется, он с трудом, но признал смерть как естественный конец жизни ("Я вообще решил не болеть перед смертью. Умру, как говорится, в одночасье", 360). Методом для достижения такого отношения является, как у Ефрема, "самоуглубление"³⁷ и философия за этим (в зависимости от того, какой смысл вкладывается в "изображение вечности") - идеалистическая или религиозная:

Ему теперь часто надо было так отдыхать. И не меньше, чем требовало тело этого восстановления сил - его внутреннее состояние, особенно после смерти жены, требовало молчаливого углубления, свободного от внешнего звука, разговора, от деловых мыслей, даже от всего того, что делало его врачом. Его внутреннее состояние как будто требовало омыться, опрозрачить. Вот такая молчаливая неподвижность с незадаанными, даже несколько зыбкими мыслями давали ему эту чистоту и полноту.

В такие минуты весь смысл существования - его самого за долгое прошлое и за короткое будущее, и его покойной жены, и его молоденькой внучки, и всех вообще людей - представлялся ему не в их главной деятельности, которую они постоянно только и занимались, в ней полагали весь интерес и ею были известны людям. А в том, насколько удавалось им сохранить неомутненным, непродрогнувшим, неискаженным - изображение вечности, зароненное каждому.

Как серебряный месяц в спокойном пруду.

(гл. 30, стр. 360-361)

Таким образом, согласно мнению Орещенкова человек живет в силу абсолютного идеала, как бы это ни толковать - как абстрактную ценность, мировой дух или Бога. Если такое

понимание поддерживается автором, то мы находимся перед наиболее обстоятельным ответом на вопрос "чем люди живы", перед прямым обнажением системы ценностей романа. В пользу этого говорит многое: позиция Орещенкова, которая как бы синтезирует на более высоком интеллектуальном уровне взгляды Костоглотова; очищенное отношение к смерти; и более всего постепенно нарастающее узнавание ценностей романа.

Представление об образе вечности в отдельном человеке должно у читателя безусловно ассоциироваться с смутными догадками Ефрема о вечной жизни души. Обе эти мысли имеют точные параллели в образе загадочного Шулубина – высоко образованного человека, который несмотря на все компромиссы потерял все, в том числе и самоуважение, и докатился до должности библиотекаря в какой-то глуши. Находясь между жизнью и смертью после серьезной операции, этот предатель, изображенный автором с состраданием, бормочет к удивлению Костоглотова: "Весь не умру... Не весь умру", (404) и продолжает:

– Осколочек, а?... Осколочек?... – шептал свое больной.

И тут дошло до Олега, что не бредил Шулубин, и даже узнал его, и напоминал о последнем разговоре перед операцией. Тогда он сказал: "А иногда я так ясно чувствую: что во мне – это не все я. Что-то уж очень есть неистребимое, высокое очень! Какой-то осколочек Мирового Духа. Вы так не чувствуете?"

(гл. 34, стр. 404–405)

Выводы Шулубина о жизни и смерти соответствуют таким образом уже существующей картине и придают дополнительный вес утверждению о преимуществе идеалистических и религиозных ценностей в системе ценностей "Ракового корпуса".

Следует однако добавить, что именно образ Шулубина не ясен до конца. Он, возможно, более всех близок бахтинскому

пониманию о самостоятельных индивидах в полифонической структуре;³⁸ во всяком случае здесь труднее, чем обычно у Солженицына, установить позицию автора. Некоторые из его ценностей – подчеркивание этического, требование к человеку не сохранять жизнь любой ценой, а жить в согласии с собственным достоинством и совестью, отказ от ложных "идолов" Бэкона,³⁹ требование любить (370) – полностью совпадают с тем, что мы постепенно узнаем как положительные ценности романа, в то время как другие – особенно социализм, ("Только... не выведите, что виноват социализм... капитализм... отвергнут историей навсегда", 370) – относятся кажется целиком на счет самого Шулубина. Иначе обстоит дело, если принимать "социализм" не только в узком политическом смысле, а посмотреть, что же это за общество, о котором он мечтает:

Явить миру такое общество, в котором все отношения, основания и законы будут вытекать из нравственности – и только из нее! Все расчеты: как воспитывать детей? к чему их готовить? на что направить труд взрослых? и чем занять их досуг? – все это должно выводиться только из требований нравственности. Научные исследования? Только те, которые не пойдут в ущерб нравственности – и в первую очередь самих исследователей. Так и во внешней политике! Так и вопрос о любой границе: не о том думать, насколько этот шаг нас обогатит, или усилит, или повысит наш престиж, а только об одном: насколько он будет нравственен? (гл. 31, стр. 371)

Освобожденное от своего политического ярлыка, этическое идеальное общество Шулубина, подкрепленное его эксплицитным отклонением материалистической теории счастья (372), полностью соответствует системе ценностей романа. Из "Бодался теленок с дубом" мы знаем, что Солженицын практиковал самоцензуру своих произведений, рассчитанных на совет-

ское издание.⁴⁰ Вполне возможно, что спорный социализм Шулубина есть лишь подслащение для цензуры горькой этической пилюли.

Вопрос об авторской позиции менее сложен по отношению к образу Олега Костоглотова. Он, правда, выступает и как выразитель мыслей автора, и как самостоятельное лицо, но разница в их образовательном уровне помогает читателю различить их голоса: нередко автор, добродушно подтрунивая, указывает на дистанцию между собой и своим главным героем.⁴¹ В качестве рупора автора Костоглотов – как мы это уже отмечали – выносит в романе приговор жизненным ценностям других персонажей, но в то же время он также объявляет всю собственную позицию. Для большей полноты рассмотрим ближе этот образ.

34-летний землеустроитель Олег Костоглотов, чья биография заключенного и пациента ракового отделения – несмотря на отсутствие высшего образования – имеет большое сходство с биографией самого автора, является типичным для творчества Солженицына образом правдоискателя. Он отвергает любую раз навсегда установленную идеологию и с помощью своего природного ума пытается уяснить себе, как он должен прожить "добавительный срок" жизни, данной ему после того, что он избежал смерти от рака. Только делает он это еще с большим презрением к систематическим знаниям, чем Нержин из "В круге первом" и Соня и Воротынцева из "Август четырнадцатого".⁴² Он ищет смысл и ценности жизни и кажется, что ключевой вопрос романа, "тот узловой (вопросик, Л. Т. Ш.), в ответе на который человек – весь" (363) сконцентрирован в этом грубом и неприспособленном человеке.

Однако его поиски имеют под собой определенную почву. Богатый опыт того времени, когда он находился между жизнью и смертью, если не окончательно примирил его со смертью, то, по крайней мере, согласно христианскому и толстовскому идеалу настраивает его на естественность смерти:

За эту осень я на себе узнал, что человек может

переступить черту смерти, еще оставаясь в неумершем теле. Еще в тебе что-то там кровообращается или пищеварится, - а ты уже - психологически - прошел всю подготовку к смерти и пережил саму смерть. Все, что видишь вокруг, видишь уже как бы из гроба, бесстрастно. Хотя ты не причислял себя к христианам и даже иногда напротив, а тут вдруг замечаешь, что ты-таки уже простил всем обижавшим тебя и не имеешь зла к гнавшим тебя. Тебе уже просто все, и все безразличны, ничего не порываешься исправить, ничего не жаль. Я бы даже сказал: очень равновесное состояние, естественное - как у деревьев, как у камней. Теперь меня вывели из него, но я не знаю - радоваться ли. Вернутся все страсти - и плохие, и хорошие. (гл. 3, стр. 38)

К тому же он полностью сознает непостоянство материальных благ:

Правда, жизнь эта не обещала ему ничего того, что называли хорошим и о чем колотились люди этого большого города: ни квартиры, ни имущества, ни общественного успеха, ни денег - но другие самосушие радости, которых он не научился ценить: право переступить по земле, не ожидая команды; право побыть одному; право смотреть на звезды, не заслепленные фонарями зоны; право тушить на ночь свет и спать в темноте; право бросать письма в почтовый ящик; право отдыхать в воскресенье; право купаться в реке. Да, много, много было еще таких прав. (гл. 11, стр. 136-137)

На этой основе базируется какая-то неосознанная система ценностей, вырисовывающаяся по мере того, как Костоглотов конфронтируется с другими персонажами романа. Таким образом, он полностью отвергает материализм Русанова и Донцовой, в то время, как Кадмины способствуют уточнению его идей о "самосуших радостях" и "мудрости жизненных жертв" (132).

Шулубин же дает интеллектуальную аргументацию тех этических ценностей, о которых Костоготов догадывается, но не в состоянии сформулировать. Далее он отказывается от любви к женщине как в физическом (Зоя), так и в духовном варианте (Вера), чувствуя, быть может, что любовь между мужчиной и женщиной никогда не может быть чисто духовной? – и признает скромные ценности Кадминых, наконец, своим возвращением в Уш-Терек. Помимо этого недвусмысленного антиматериализма, ответ Костоготова на главный вопрос романа остается расплывчатым. Неизвестно, присоединится ли он наконец к религиозно окрашенному идеализму Шулубина и Орещенкова – какую роль в этой связи играют, например, его постоянные раздумья о проблеме теодицеи?⁴³ – или он остается пока в рамках взгляда на жизнь, высказанного им в письме к Кадминым:

Наша Чу не дотягивает ни до какого моря, ни озера, ни до какой большой воды. Река, кончающая жизнь в песках! Река, никуда не впадающая, все лучшие воды и лучшие силы раздарившая так, по пути и случайно – друзьям! разве это не образ наших арестантских жизней, которым ничего не дано сделать, суждено бесславно заглухнуть, – и все лучшее наше – это один плес, где мы еще не высохли, и вся память о нас – в двух ладоньках водица, то, что протягивали мы друг другу встречей, беседой, помощью. (гл. 22, стр. 254)

Во всяком случае антиматериализм очевиден, намек же на его положительный эквивалент более осторожен.

IV. Художественно действенная незаконченность образа Костоготова имеет свою параллель в общей тенденции романа: выразиться яснее в отрицательном, чем в положительном. При том что отвергаются все материалистические ответы на главный вопрос романа, имеются лишь редкие, мелькающие проблески, указывающие в сторону духовных ценностей жизни. Проти-

вопоставление ценностей становится более ощутимым, когда в него вовлекаются первоначальные ценности: старое, естественное, исконно-русское и противопоставляется новому, противоестественному и советскому.

Вопреки этой – тактически или художественно оправданной – нечеткости в формулировке идеалистическо-религиозной альтернативы, нет никакого сомнения в том, на чьей стороне симпатии романа. Идейная дискуссия вокруг проблемы "чем люди живы?" прямо ведет к отказу от материализма в любом его проявлении, включая советскую идеологию. Характерно однако – и это касается творчества автора в целом – что его аргументация никогда не политическая или экономическая, а также не глубоко философская, но практически этическая с религиозными намеками. Только с ценностями, с которыми можно достойно умереть, можно и достойно жить. В этом Солженицын имеет сходство не только с Толстым, но также и с писателями превозносимого и проклинаемого сборника "Вехи". Не удивительно, что роман остался ненапечатанным на родине.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Мы-то не умрем*, Крохотные рассказы, Собрание сочинений т. 5, Франкфурт-на-Майне 1971, стр. 231.
- 2 А. Солженицын, *Раковый корпус*, YMCA-PRESS, Париж 1968, гл. 2. Далее я ссылаюсь на это издание.
- 3 Там же гл. 8.
- 4 Многочисленные намеки в тексте на Толстого указывают, кажется, на приоритет моральных и духовных ценностей в целом скорее, чем на конкретное обсуждение отдельных пунктов нравственного учения Л. Толстого. Об отношении Солженицына к Толстому см., например, John B. Dunlop и др. (изд.) *Aleksandr Solzhenitsyn: Critical Essays and Documentary Materials*, Belmont, Mass. 1973, стр. 129-146, 332-350, 372-381.
- 5 Ср. *Один день Ивана Денисовича* и *В круге первом*, где лагерь и тюрьма составляют ситуативное единство, и *Август четырнадцатого*, где война представляет собой подобный, но более расплывчатый фон.
- 6 Ср. *В круге первом*: вопрос об участии в несправедливостях, и *Август четырнадцатого*: отношение к родине.

- 7 Ср. Finn Brandt-Pedersen, *Textlæsning*, Kbh. 1967, стр. 21.
- 8 В одном интервью Солженицын утверждал, что его романы полифоничны. См. Pavel Ličko, "Jedného dna u Alexandra Isajeviča Solženicyna", *Kulturný život* 13, Bratislava 1967, стр. 1-10. Перевод на французский язык в G. Nivat и M. Aucouturier (изд.), *Solsjénitsyne*, L'Herne cahiers 16, Paris 1971, стр. 113-118, здесь стр. 118. Солженицынская "полифония" становится литературным трюизмом. Однако авторский голос чересчур интенсивный, чтобы можно было говорить о "полифонии" в понимании Бахтина, ср. М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, 3 изд., Москва 1972, стр. 7-8.
- 9 Ср. Rufus W. Mathewson, *The Positive Hero in Russian Literature*, Stanford, Cal., 1975, p. 310.
- 10 *Раковый корпус*, особенно гл. 10.
- 11 Там же, гл. 23, стр. 261 и другие.
- 12 Там же, гл. 29, стр. 341-345.
- 13 Н. А. Бердяев и др., *Вехи, Сборник статей о русской интеллигенции*, Москва 1909, переиздан: Франкфурт-на-Майне 1967, напр., стр. 47, 78, 155, 162.
- 14 Там же, напр., стр. 172, 194.
- 15 *Раковый корпус*, гл. 2, стр. 21.
- 16 О проблематичном отношении Вадима к Сталину, напоминающем отношение Нержина и самого Солженицына, см. там же гл. 23, стр. 226.
- 17 Симпатия выражается через Костоглотова, там же гл. 11, стр. 135. Ирония проявляется особенно в изображении общепринятых советских точек зрения у Вадима, напр., там же гл. 19, стр. 219-220.
- 18 О Вадима "жадности на время" см. там же гл. 19, стр. 215 и др.
- 19 Там же гл. 15, стр. 177. Кроме того, презрение Вадима к Толстому проявляется неоднократно в отношении к Ефрему Поддубеву; там же гл. 19, стр. 220, 224.
- 20 Там же гл. 19, стр. 217. Здесь Солженицына часто критиковали за его зоологическую ошибку. Он говорит о *полосатой* пантере.
- 21 "...сжаться, работать и после себя оставить людям новый метод поиска руд", там же гл. 19, стр. 218.
- 22 Сопоставьте там же гл. 15, 19, с 23, 27.
- 23 Там же гл. 23, стр. 258, гл. 27, стр. 320-321.
- 24 Там же гл. 6, стр. 73-78.
- 25 "Я хочу выздороветь собственными силами". Там же гл. 6, стр. 77. См. также гл. 11, гл. 17.

- 26 Там же гл. 30, гл. 32.
- 27 Там же гл. 32, стр. 373-374.
- 28 Там же гл. 30, стр. 352, 353, гл. 32, стр. 375, 376.
- 29 Там же гл. 11. Обратите внимание на подчеркивание слова "исцеление" вместо медицинского "излечение", стр. 122.
- 30 Ср., напр., *Три смерти*, часть II, смерть крестьянина. Сопоставьте далее там же часть IV, смерть дерева с *Раковым корпусом*, гл. 19, стр. 215: "...и как же спокойно они (растения, Л. Т. Ш.) растут, и спокойно как умирают!" и цитату стр. 22-23 из гл. 3, стр. 38.
- 31 В форме воспоминаний, там же гл. 20 и письмо, гл. 22.
- 32 Относительно "Живая жизнь" у Солженицына, но в другой связи см. Carl Stief, *Det levende liv, Kontraster og sammenhænge, tre studier i russisk litteratur*, Kbh. 1976 (= *Københavns Universitets festskrift*), стр. 36-38.
- 33 Ср. образы набожных Матрены (*Матренин двор*), тети Христины (*Свеча на ветру*), крестьянина Спиридона (*В кругу первом*) и различные народные образы в *Август четырнадцатого*.
- 34 Сопоставьте, напр., непрактичное сельское хозяйство Кадминых (*Раковый корпус*, гл. 20, стр. 234) с хозяйством Матрены (*Матренин двор*, *Собрание сочинений т. 1, Франкфурт на Майне 1970*, стр. 231).
- 35 *Раковый корпус*, гл. 30, 32.
- 36 Напр., там же стр. 353, 373, 374, 377. Тема об изоляции больных от жизни проходит через весь роман, напр., стр. 20-21, 25, 74.
- 37 Даже если Солженицын и не употребляет это выражение, которое было ключевым словом как у Толстого, так и у Веховцев, то его смысл лежит явно позади.
- 38 М. Бахтин, названная работа, стр. 7-8.
- 39 Относительно более подробной дискуссии об "идолах" Бэкона, см. Mathewson, названная работа, стр. 314-318.
- 40 См. Лене Тыберг Шаке, "Бодался теленок с дубом, видение Солженицына" *Svantevit 2*, Kbh. 1975, стр. 61-79, здесь стр. 64-67.
- 41 Напр., *Раковый корпус*, гл. 11, стр. 124, гл. 31, стр. 366-367.
- 42 Напр., там же гл. 2, стр. 30.
- 43 Вопрос о злом и добром - одна из главных тем романа - проявляется через Костоглотова, напр., гл. 29, стр. 346-347, гл. 35, стр. 424-425, гл. 36, стр. 446.